

Т. Д. Блашкина, Атюрьевский диалект мокшанского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 2005 г.

17 июня 2005 г. на заседании диссертационного совета Д 212.117.09 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Мордовском государственном университете имени Н. П. Огарева состоялась защита кандидатской диссертации Татьяны Дмитриевны Блашкиной на тему «Атюрьевский диалект мокшанского языка».

Исследование Т. Д. Блашкиной выполнено под научным руководством кандидата филологических наук профессора А. П. Феоктистова и доктора филологических наук доцента Л. П. Водясовой на кафедре мордовских языков Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор Д. В. Цыганкин (Саранск) и кандидат филологических наук А. Н. Келина (Саранск).

Работа Т. Д. Блашкиной посвящена изучению диалектов мокшанского языка на территории Республики Мордовия. Она выполнена в рамках «Проекта подробной инструкции по единообразному описанию диалектов уральских языков», составленного профессором К. Е. Майтинской (Москва) и профессором В. Феэнкером (Гамбург) и одобренного на заседании специальной комиссии в Будапеште в августе 1988 года.

Проблема, рассмотренная автором, актуальна, так как до сих пор нет основательной и полной работы как по описательной, так и исторической диалектологии мокша-мордовского языка. В связи с тем, что описание диалектов мокшанского языка еще не завершено, данная работа в определенной мере восполняет недостающие звенья, являясь составной частью других трудов, посвященных отдельным говорам мордовских языков.

Т. Д. Блашкина ставит своей целью системное всестороннее изучение и описание современного состояния атюрьевского диалекта. Ею выдвигается задача: дать описание фонетических, морфологических, лексических и синтаксических особенностей этой языковой единицы. В исследовании подвергается лингвистическому анализу обширный материал, собранный и обработанный в диалектологических экспедициях.

Работа выполнена на 180 с. компьютерного текста и состоит из предисловия, введения, пяти глав, заключения, списков использованной литературы, условных сокращений и приложения, представленного в виде краткого диалектного словаря, образцов речи исследуемого диалекта, карт.

В «Предисловии» автор обосновывает выбор темы, ее актуальность, определяет цели и задачи, показывает науч-

ную новизну исследования, источники и методы работы, сообщает об апробации ее результатов.

Во «Введении» рассматривается проблема классификации мокшанских диалектов, дается краткий научно-исторический обзор исследований по данному вопросу. Правомерно автор приходит к выводу, что наиболее полное описание диалектов представлено в работе А. П. Феоктистова «Диалекты мордовских языков» (1990). Далее предлагаются сведения об истории становления села Атюрьево — центра сосредоточения языковых явлений, о носителях диалекта.

В разделе «Фонология» Т. Д. Блашкина рассматривает фонетическую систему атюрьевского диалекта, подкрепляя теоретические данные иллюстративным материалом. При описании специфики атюрьевского диалекта она обращает внимание на заимствованную лексику, акцентология которой уподобляется нормам мокшанской орфоэпии: *ka-pika* 'копéйка', *ta-var* 'товáр', *sl'e-poj* 'слепóй'.

В разделе «Морфонология» рассматривается структура простого непроемного и суффиксированного слова. Анализируя употребление гласных и согласных фонем в первом/непервом слоге, автор приходит к выводу, что в первом слоге слова встречаются все гласные фонемы; в непервых слогах обнаруживаются значительные отклонения, связанные, в первую очередь, с частотностью встречаемости того или иного гласного в позициях первого — непервого, ударного — неударного, конечного — неконечного, открытого — закрытого слога. Например, употребление фонемы *u* в ауслауте существительных в номинативе единственного числа основного склонения фактически ограничено двумя-тремя словами (*gulu* 'зола', *kuću* 'ложка', *šukšturu* 'смородина'). Что касается системы согласных, она выделяет в отдельных расположениях некоторую специфику: в начале слова не встречаются согласные *L', L, R', R, J*; в середине слова невозможно сочетание согласного *k* с согласными *b, d, g*; в конце слова не употребляются фонемы

b, g, J, L, L', R, R'. Наиболее подробно рассматриваются фонеморфологические процессы в области гласных и согласных. Т. Д. Блашкина права, выделяя в области гласных процессы количественного (синкопа, эпентеза) и качественного (редукция, сужение, расширение) характера. Говоря о синкопе гласных, она отмечает местоположение данного процесса: 1) в именах существительных на стыке компонентов сложных слов, корневых и деривационных морфем, корневых и словоизменительных морфем (в формах инессива, элатива, иллатива, абессива, аблатива), перед показателем множественного числа *-t/-t'*, если перед исходными *e, a* стоит сочетание согласных, последним из которых является *g, k, d, t* и т.д.; 2) при образовании форм 3 л. ед. и мн. ч. однократных глаголов прошедшего времени, многократных глаголов, образованных при помощи суффиксов *-ń-* (*-n-*), *-ś-*, (*-s-*), повелительного наклонения ед. ч. Эпентеза гласных в атюрьевском диалекте встречается при словоизменении и словообразовании: 1) перед суффиксом *-ń-*, с помощью которого образуются относительные прилагательные от существительных; 2) в падежных формах основного склонения: а) перед показателем генитива; б) перед показателем датива; в) перед формами каузатива; 3) в формах номинатива, генитива, датива притяжательного склонения (ряда *miń* 'наш'); 4) в конце русских заимствований, если слово оканчивается на согласный; 5) при устранении в начале слова сочетаний согласных, не характерных для мокшанского языка. Среди отличительных признаков атюрьевского диалекта автор выделяет отсутствие гласного нижнего подъема *ä*, который совпал фонетически с *e* в результате сужения: *d'ede* 'мать', *lem* 'щи'. Переход *ä > e* вызвал сужение гласного *e* среднего подъема до гласного верхнего подъема *i* (*e > i*): *kiřəms* 'отрезать', *t'iv* 'дело'. Расширению подвержены гласные ауслаута (*u > o*): *očo* 'большой', *odo* 'в другой раз'. Автор обращает внимание на редуцированный гласный в первом ударном слоге на месте исходного *i* (*ə > i*), не встречающийся в других го-

ворах центрального диалекта: *kšə* 'хлеб', *kšńə* 'железо', *mə'de* 'муж', *štə'ri* 'девушка'.

В системе консонантизма атыурьевского диалекта выделены: количественные (диереза, эпентеза) и качественные (ассимиляция, палатализация, аффрикатизация) фонетические процессы. Диереза наблюдается 1) при образовании существительных от глаголов (в сочетаниях — *tks*, *-tks* выпадают *t'* и *t*); 2) при образовании сложных слов; 3) перед глагольным суффиксом многократности *-ńi-* (выпадают *d*, *d'*, *t*, *t'*); 4) в формах множественного числа указательного склонения (выпадают *t*, *t'*); 5) в объектных формах глагола повелительного наклонения и в причастиях (в сочетаниях *-ntk*, *-ntf* выпадает *t*); 6) в заимствованиях (иногда выпадает начальный согласный). Прогрессивная ассимиляция по звонкости в атыурьевском диалекте наблюдается 1) на стыке двух слов, произносимых без паузы, если предшествующее оканчивается на звонкий согласный; 2) при образовании сложных слов. Автор подчеркивает, что в данном диалекте отсутствует прогрессивная ассимиляция по глухости. Регрессивная ассимиляция по глухости наблюдается в следующих случаях: 1) при образовании множественного числа существительного; 2) перед суффиксом *-t/-t'* повелительного наклонения; 3) перед показателем объекта 2-го лица ед. ч. *-t/-t'* в форме настоящего-будущего времени объектного спряжения; 4) согласные *d*, *g*, аффриката *dž* оглушаются перед глухими согласными. Значительно реже в атыурьевском диалекте встречается регрессивная ассимиляция по звонкости. Наиболее распространена, по мнению автора, дистактная регрессивная ассимиляция в начале слова, возникающая под влиянием сонорных и других звонких согласных середины слова на начальный глухой: *zapəń* 'мыло' < *sapəń*, *gij* 'змея' < *kuj*. Палатализация согласных проявляется в следующих случаях: 1) после гласных переднего ряда (в пределах корня) чаще всего выступает палатализованный согласный; 2) при образовании новых слов и форм: а) глагольные суффиксы многократности *-s-*, *-ń-*

после твердых переднеязычных основы отвердевают; б) корневой согласный *n* перед суффиксом *-ńi-* становится мягким; в) мягкие суффиксальные согласные теряют мягкость после твердых согласных; г) показатель множественного числа *-t* в именах существительных и глаголах после палатализованных согласных реализуется в мягком алломорфе *-t'*; д) суффиксы *-t* повелительного наклонения и *-ft-* понудительного залога смягчаются после мягкого согласного. Анализ диалектного материала показывает, что некоторые сочетания согласных в атыурьевском диалекте подвергаются позиционной аффрикатизации: 1) при слитном произношении смычного переднеязычного *d*, *d'* с последующим сибилантом *s*, *s'*; 2) при употреблении сонорных *j*, *l*, *m*, *n*, *ń*, *r*, *r'* и *v* с последующим сибилантом (*z*, *z'*, *ž*); 3) при сочетаниях согласных *-dkš-* и *-dkš'-*.

В разделе «Словообразование» автор рассматривает два способа образования новых слов. Самым распространенным, по ее мнению, является морфолого-синтаксическая деривация, которая реализуется в двух типах словообразования: морфологическом и синтаксическом. Случаи префиксального словообразования единичны: к местоименным словам присоединяется заимствованная частица *kə'ti-*: *kə'ti-kije* 'кто-то', *kə'ti-miže* 'что-то', *kə'ti-kosa* 'где-то'. Словосложение представлено двумя типами синтаксической связи компонентов: сочинительное словосложение — парные слова общего и изобразительного типа, подчинительное восходит к словосочетаниям.

В разделе «Морфология» обращается внимание на образование двух параллельных форм генитива лично-притяжательного склонения существительного (*štə'ražəń/štə'ražəńne* 'моей дочери'). При склонении собственно-личных местоимений автор обнаруживает в генитиве и дативе два параллельных варианта склонения (*moń/mońne* 'меня', *moń-d'ijəń/t'ijəń* 'мне'). Притяжательные местоимения в данном диалекте также имеют два варианта: *moń/mońne* 'мой', *toń/tońne* 'твой'. Среди указательных местоимений носители диалекта употребляют форму множественного числа

t'at 'эти'. Особое внимание Т. Д. Блашкина уделяет отрицательному спряжению, для которого характерно большое разнообразие отрицательных частиц. При образовании отрицательной формы прошедшего времени индикатива в атюрьевском диалекте появляется особый отрицательный спрягаемый глагол, употребляемый в препозиции к значимому глаголу (*al'd'eń jaka* 'я не ходил'). формы 1 и 3 л. ед. ч. настоящего-будущего времени объектного спряжения ряда *śiń* 'их' образуются при помощи форманта *-ńáń*, не характерного для других говоров центрального ареала: *kancajńáń* 'я их принесу', *kanćińáń* 'он их принесет'. Форма оптатива заменяется сочетанием глагола *jorams* 'хотеть' с инфинитивом смыслового глагола на *-ms*: *jorań suvams* 'я хотел было зайти'.

В разделе «Синтаксис» анализируется синтаксис словосочетаний (определительных и неопределительных), простых и сложных предложений. Т. Д. Блашкина права, когда указывает, что союзная связь между компонентами синтаксических конструкций встречается реже, носители диалекта отдают предпочтение бессоюзной связи.

В «Заключении» автором выявлена специфика атюрьевского диалекта, сделаны определенные выводы.

Отмечая несомненные положительные стороны работы, представляется необходимым остановиться на некоторых ее недостатках.

1. Принимая во внимание, что в сложных словах наличествует одно главное ударение и пауза между компонентами невозможна, нельзя относить к числу сложных слов т. н. парные слова (см. с. 77). Как известно, компоненты парных образований сохраняют фонетическую и грамматическую самостоятельность, хотя и выражают несколько иное значение по сравнению с отдельным употреблением.

2. На с. 77 к безаффиксным образованиям отнесены глаголы, образованные посредством инфинитивного суффикса *-ms*. По-видимому, подобные образования не следует относить к безаффикс-

ным. Известно, что суффикс инфинитива *-ms* в составе непроемных глаголов передает грамматическое значение инфинитивности, неличности, например, *ardəms* 'ехать', в отвлеченных образованиях выражает, помимо этого, значение 'совершать действие, связанное своим результатом с тем, что обозначено производной основой', например, *kel'me* 'холод' → *kel'mə-ms* 'замерзнуть'. Таким образом, суффикс *-ms* имеет в мордовских языках шаткий уровеньный статус.

3. На с. 80 ошибочно отнесены к сложным словам те производные, в которых второй компонент является достаточно регулярным, фактически по своим функциям не отличается от словообразовательного суффикса. Речь идет о *ši* в словах *tonaši*, *šumbraši*. Здесь же следует заметить, что к числу сложных слов ошибочно отнесены различные устойчивые сочетания слов с обстоятельственными значениями: *mikəlanjkt*, *ve'gevaj-geL't* и др.; повторы *miže-miže*, *kije-kije*.

4. В исследовании (с. 77) есть специальный подраздел «Суффиксы глаголов, заимствованных из русского языка». Однако мы не обнаружили здесь ни одного суффикса, который мог бы быть заимствован диалектом из русского языка. Приведенные же суффиксы таковыми не являются. Они мокшанского происхождения.

5. К реалиям атюрьевского диалекта следовало бы отнести населенные пункты с перечислением информантов.

Указанные недочеты не носят принципиального характера и не снижают практической и теоретической ценности исследования.

В целом работа Т. Д. Блашкиной представляет собой завершённое исследование с основательным раскрытием темы. Ее теоретическая и практическая значимость заключается в том, что впервые представлен языковой материал атюрьевского диалекта, который найдет применение при составлении словарей, учебных пособий по диалектологии, истории мордовских языков, а также в преподавании лингвистических дисциплин.

Д. В. ЦЫГАНКИН (Саранск)